

Гу Янь вернулся с тренировки, когда солнце уже поднялось высоко в зенит, заливая всё вокруг ослепительным светом.

Деревья вольно раскинули кроны, ловя солнечные лучи широкими и резными листьями. Благодаря подпитывающей их тонкой нити духовной ци, листва стояла густая и сочная. Бескрайний солнечный поток, пробиваясь сквозь этот плотный зелёный шатёр, оседал вокруг Гу Яня лишь призрачной россыпью золотых искр.

Едва дул лёгкий ветерок, и золотые блики начинали трепетать, отчетливо высвечивая не просохшие каплей капли пота на его щеках и висках. Прозрачные капли скатывались из смоляных волос, скользили по прямой переносице, пересекали безупречные губы и впитывались в поношенный, слегка потёртый воротник, оставляя на ткани тёмные влажные пятна.

Чэнь Ань разыскал его с глубоким беспокойством на лице. Смятенно запинаясь, он сообщил, что на деревьях плодов Билин в дальнем саду засомневались вредители, и попросил старшего брата глянуть, что с этим делать.

Гу Янь остановился, недовольно нахмутив брови.

Чэнь Ань отвечал на горе Сяоцан за духовные поля. Обладая пятиэлементным духовным корнем, он отличался скверными способностями, и ни одна секта не соглашалась принять его в свои ряды. Когда Гу Янь брал его в слуги, то сделал это лишь потому, что среди пяти элементов Чэнь Аня выделялся древесный корень. На горе Сяоцан он обучил его «Технике Возрождения Тысячи Деревьев», доверив уход за аптекарским огородом и садом.

Каждый месяц Гу Янь исправно выплачивал ему по пять духовных камней.

Вот только Чэнь Ань отличался непомерной гордыней. В первые годы после прихода на гору он работал на совесть: вставал на рассвете, возвращался затемно и дневал на заднем склоне, выхаживая десятки му духовных угодий. Однако это продолжалось недолго. Спустя десять с лишним лет, сумев завершить стадию Концентрации Цзи, Чэнь Ань возомнил себя великим самосовершенствующимся. Он всё глубже погружался в медитации, совсем забросив свои прямые обязанности.

Это не раз приводило к падению урожая, а однажды сборы и вовсе сократились наполовину! Гу Янь тогда страшно разгневался, жестоко наказал нерадивого слугу и велел ему проваливаться с горы Сяоцан, если тот не желает исполнять свой долг. Неужто за духовные камни он не найдёт того, кто сумеет приглядеть за садом?

Испуганный Чэнь Ань бился головой о землю до кровавых ссадин, рыдал в три ручья и молил о милосердии, клянясь, что подобное никогда не повторится. Гу Янь, видя его раскаяние и пожалев несчастного, после двух дней наказания на коленях позволил ему остаться.

Напуганный слуга какое-то время действительно старался.

Но жажда лёгкой жизни и привычка лень победили. Спустя пять-шесть лет всё вернулось на круги своя. Чэнь Ань появлялся на полях от силы раз в несколько дней, и урожаи снова поползли вниз.

Гу Янь нанял работника именно потому, что сам не желал ежедневно тратить время на проверку посадок. Видя, что потери не критичны, он закрывал на это глаза. Но Чэнь Ань, почувствовав послабление, совсем потерял страх.

И надо же было додуматься — довести до червей деревья плодов Билин!

Чэнь Ань, смертельно боявшийся гнева старшего брата, при виде его ледяного лица задрожал всем телом:

— Вчера, когда я ходил проверять сад, всё было в порядке! А сегодня на рассвете пришёл — и вся крона в мошках! Я не смел медлить и сразу побежал к вам, старший брат-наставник, чтобы вы что-то придумали, пока урожай плодов Билин не сгинул!

Гу Янь с мрачным видом направился к дальнему склону.

Дерево плодов Билин считалось главным сокровищем их обители. Духовные растения издавна делились на четыре ранга: Тянь, Ди, Сюань и Хуан. Каждый ранг имел высшую, среднюю и низшую ступени. Чем выше стояло растение, тем дороднее и капризнее оно было, требуя неустанного ухода: прополки, уничтожения вредителей и подкормки.

Древо плодов Билин относилось к высшей ступени ранга Сюань. Растущему на их горе древу исполнилось почти пятьдесят лет. Его могучий ствол могли обнять разве что три человека, а густая, пышная крона смыкалась над головой вечнозелёным шатром.

Оно должно было вызывать умиротворение и отраду для глаз.

Однако сейчас между листьями копошилась тьма мелких, с булавочную головку, летающих мошек. Они звенящей тучей вились среди листвы и наливающихся соком плодов, напрочь разрушая прежнее изящество сада и наполняя воздух отвратительным зудом.

Гу Янь вперил ледяной взгляд в листву.

— Ты утверждаешь, что эта дрянь завелась только сегодня утром? За кого ты меня принимаешь, за конченого дурака? Сколько времени ты не ступал на задний склон?!

Перед ним копошился целый рой. Некоторые паразиты уже успели свить гнёзда на обратной

стороне листьев, а в кладках вот-вот должны были вылупиться личинки!

Разве это похоже на поражение, возникшее пару часов назад?!

Поняв, что обман раскрыт, Чэнь Ань рухнул на колени и со звонким треском отвесил себе две оглушительные пощёчины, мгновенно размазав кровь по распухшим щекам.

— Старший брат, я виноват! Смертельно виноват! Увлёкся медитацией и забыл наведаться к древу! Молю, простите меня в последний раз! Чэнь Ань до конца дней будет служить вам верой и правдой!

Опыт заискивания у него имелся богатый. Он прекрасно знал, что нужно первому признать вину и молить о пощаде.

Но на этот раз Гу Янь остался глух.

Попустительство затягивает: за первым проступком следует второй, за вторым — третий. С падением урожая на полях ещё можно было смириться, но древо плодов Билин — опора всей горы Сяоцан. Их секта мала и не обладает ни богатыми духовными жилами, ни древними сокровищницами.

Основной доход они получали именно от продажи духовных плодов.

Его собственные расходы, как и содержание двух младших братьев и младшей сестры, полностью зависели от продаваемых плодов Билин. Даже Учитель, отправляясь нанести визит друзьям или на празднества, брал с собой эти плоды в качестве достойного подарка.

Если не уничтожить вредителей, следующий год станет для них нищенским.

Как бы жалобно ни причитал Чэнь Ань, лицо Гу Яня оставалось непроницаемым.

— Помнится, когда ты ошибился прошлый раз, я предупреждал: ещё одна оплошность, и ты убираешься с горы Сяоцан. Мне не нужен тот, кто раз за разом отлынивает от своих обязанностей. Проваливай.

Чэнь Ань обомлел и зарыдал пуще прежнего:

— Старший брат-наставник!..

Где ещё он найдёт столь безмятежную работу с платой в пять духовных камней в месяц? Слейся он сейчас с горы, подобной доли больше не сыскать!

Гу Янь, чьё терпение лопнуло от вида изуродованного дерева, одним движением обнажил меч. Холодное лезвие блеснуло в воздухе, обдав слугу давящей аурой.

— Что, мне самому спустить тебя под гору?

Гу Янь никогда не отличался мягкотелостью и слов на ветер не бросал. Чэнь Ань ведал это получше других. Он понял: скажи он ещё хоть слово, и его попросту сбросят с кручи.

Не смея более проронить ни звука, он поднялся и, стеная, поплёлся прочь.

Прогнав нерадивого слугу, Гу Янь опустился на траву у подножия дерева. Извлекая из пространственного кольца чистую воду и порошок для остановки кровотечения, он принялся перевязывать ладони.

Из-за ежедневных истощающих тренировок с мечом его ладони часто покрывались прозрачными кровавыми мозолями. Экономя дорогие пилюли, он привык аккуратно протыкать их серебряной иглой, присыпать снадобьем и туго затягивать чистым бинтом, дожидаясь, пока раны затянутся плотной мозолистой кожей.

Закончив привычное дело и затянув узел на тыльной стороне ладони зубами, он закинул длинный меч за спину и лёгким прыжком взлетел на ветви.

Хоть туча вьющихся мошек и казалась огромной, для Гу Яня это не представляло сложной задачи. С пяти лет он делал по пятьдесят взмахов клинком в день, а к сегодняшнему дню довёл эту норму до тридцати тысяч.

Это испытание отлично подходило для тренировки зоркости и точности.

Застыв среди густой листвы, он нанёс первый концентрированный удар. Остриё меча рассекло воздух, сокрушая десятки мелких тушек, которые зеленым снегом посыпались на землю. При этом ни один плод Билин, ни один листик не пострадали от кончика его клинка.

Убить пару мошек просто, но избавиться от сотен тысяч — задача изнурительная. Звонкое жужжание сливалось в сплошной гул. Удар следовал за ударом, и казалось, этой работе не будет конца. Непрерывная зачистка требовала колоссального внимания, и вскоре правая рука Гу Яня отозвалась тупой ломотой.

Но терпения ему было не занимать.

Удерживая размеренный, строгий ритм, он нанёс десятки тысяч точно рассчитанных ударов.

Спустя два долгих часа мошкара была истреблена подчистую.

В крону дерева плодов Билин вернулась благословенная тишина.

Солнце стояло в самом зените. Сквозь очищенную листву пролились сотни золотистых нитей. Потратив последние капли духовной энергии, Гу Янь обессиленно растянулся на толстой ветви. Ласковое тепло, проникавшее сквозь зелёный полог, клонило в сон.

Подумав, что спешить ему некуда, он прикрыл глаза.

И погрузился в кошмар.

Это был настоящий, ледящий душу кошмар.

Сон казался сбивчивым, туманным и невыносимо отчётливым.

Он видел всё: с того самого дня, когда шестилетним ребёнком переступил порог горы Сяоцан, как учился грамоте и делал первые шаги в постижении Дао, как стал старшим братом-наставником, которому Учитель доверил воспитание младших и все хозяйственные дела секты... До того момента, когда они с Учителем, младшими братьями и сестрой стали чужими людьми, смотрящими друг на друга с отвращением.

А в конце была смерть.

Он умер погожим, цветущим апрельским днём.

В начале того апреля он высаживал на заднем склоне огненные цветы. Этот алый, как языки пламени, цветущий покров называли также «цветами любви». Он мечтал, чтобы в день его церемонии духовного союза вся земля была устлана этими цветами, символизирующими долгую совместную жизнь и неразрывную связь.

Он заботливо поливал побеги и дождался момента, когда весь склон полыхнул алым пожаром.

Любуясь буйством красных лепестков и с трепетом думая о предстоящем через полмесяца союзе, он ощущал редкий покой и радость.

Как раз в тот день на гору Сяоцан прибыл его наречённый, Нин Шуанфэн.

Окрылённый Гу Янь поспешил показать ему алое море цветов. Он был слишком счастлив и не заметил, как при виде его запятнанного землёй подола и растрёпанных после прополки волос в глазах Нин Шуанфэна мелькнула глубокая безразличность.

Нин Шуанфэн пришёл, чтобы расторгнуть помолвку.

Улыбка застыла на губах Гу Яня, а радость в глазах сменилась непониманием.

«Ты говоришь — отменить обручение?»

Нин Шуанфэн ответил твёрдо:

— Именно. Помолвки не будет.

Гу Янь растерялся:

«Но почему?»

Его Учитель и отец Нин Шуанфэна были близкими друзьями. Гу Янь и Шуанфэн знали друг друга с детства. С пятнадцати лет, ступив на путь Концентрации Цзи, они вместе прошли через десятки смертельных опасностей и тайных обителей.

Старшие, видя их сплочённость и взаимное доверие, предложили: «Заключите духовный союз, чтобы поддерживать друг друга на пути к бессмертию».

Гу Янь посчитал это естественным, и Нин Шуанфэн тогда согласился.

Они условились провести церемонию после того, как оба сформируют Золотое ядро. Нин Шуанфэн задерживался, и пока он совершал прорыв, Гу Янь засеял весь склон огненными цветами. И вот теперь, когда сад пылал алым цветом, Нин Шуанфэн явился без предупреждения, чтобы разорвать их узы.

Притом явился с непреклонной решимостью, заявив:

— Наш брак был затеей старших. Прежде я не встречал того, кто был бы мне по сердцу, и полагал, что смогу прожить жизнь с тобой. Но теперь я обрел настоящую любовь и не намерен предавать свои чувства. Посему я расторгаю нашу помолвку.

Гу Янь спросил с тяжёлым сердцем:

«А что сказал дядя Нин?»

Это решение принимали главы семей. Приглашения на церемонию, назначенную через две недели, уже разлетелись по всему миру подобно снежным хлопьям. Если Нин Шуанфэн решит всё отменить, его отец не мог остаться в стороне.

Нин Шуанфэн усмехнулся:

— Я знал, что ты попытаешься прикрыться моим отцом. Но я заранее заключил с ним сделку: если я сформирую Золотое ядро девяти превращений, он не станет препятствовать разрыву нашего союза.

Качество ядра делится на десять рангов, и чем оно выше, тем шире перспективы культиватора. Когда Нин Шуанфэн сформировал ядро девяти превращений, Гу Янь приготовил для него щедрый подарок.

Теперь же эти слова отозвались в его душе злой иронией.

«... Выходит, ты любишь другого уже по меньшей мере полгода?»

Сформировать ядро девяти превращений невероятно трудно; клан Нин готовился к этому прорыву больше полугода.

Значит, они давно всё решили, но ему не проронили ни слова!

Они смотрели, как он хлопочет, добывая редкие травы и пилюли для прорыва Нин Шуанфэна. Смотрели, как он с трепетом ждёт дня их союза, как с гордостью рассылает приглашительные указы.

И выждали момент, когда всё готово, чтобы явиться и бросить ему это в лицо!

Они решили опозорить его перед всем светом?!

Гу Яня обожгла вспышка гнева. Десятилетия дружбы, сотни битв, где они прикрывали друг друга спины! Он относился к дяде Нину как к родному отцу, никогда не переступал рамок приличий... Если они хотели расторгнуть союз, почему не сказали раньше?!

Зачем нужно было растаптывать его достоинство?

Зачем делать его посмешищем для всего мира?!

Видя, как изменился Гу Янь, Нин Шуанфэн поморщился с отвращением:

— Нечего корчить из себя обиженного, Гу Янь! Мой отец ещё давно давал понять твоему Учителю, что клан Нин намеревается отозвать помолвку. Неужели Учитель ничего тебе не передал? Ты прекрасно знал, что я люблю другого и не лягу с тобой в одну постель! Но ты всё равно разрезвонил о нашей свадьбе на весь свет, заставив людей тыкать в меня пальцами! Неужели у тебя нет ни капли стыда? Обязательно нужно было довести дело до того, чтобы я явился на гору Сяоцан и лично порвал с тобой?!

— Я и так проявляю сдержанность!

Нин Шуанфэн в бешенстве взмахнул рукавом:

— Предупреждаю: впредь не смей даже заикаться о том, что мы когда-то были обручены!

Он окинул Гу Яня взглядом — тот стоял в серых холщовых одеждах, с ног до головы перемазанный чёрной землёй, — и в его глазах вспыхнуло нескрываемое презрение:

— Посмотри на себя! Чем ты отличаешься от грязного крестьянина, копающегося в грязи ради горстки риса?! Ты и мизинца его не стоишь!

Бросив это, он резко повернулся и ушёл, будто боясь, что его станут удерживать.

Гу Янь не стал его останавливать.

Он стоял оглушённый, чувствуя, как внутри всё переворачивается от горечи и обиды.

Он-то полагал, что они с Нин Шуанфэном понимают друг друга без слов, что прошли через огонь и воду и сумеют рука об руку одолеть долгий путь к бессмертию.

Когда же всё изменилось?..

С каких пор в глазах Нин Шуанфэна он, Гу Янь, превратился в бесстыдного, навязчивого человека? В грязного крестьянина?

Разве vyhаживать духовные угоды — это грех? Разве его желание украсить собственную свадьбу алыми цветами было преступлением?

Он искренне не мог этого понять.

Но одно из слов Нин Шуанфэна прозило его до глубины души: Учитель. Учитель ни словом не обмолвился о намерениях клана Нин.

Гу Янь ничего не знал об отмене помолвки.

Иначе он ни за что не стал бы рассылать приглашения. В конце концов, он был бессмертным уровня Золотого Ядра и обладал гордостью.

Оставшись один посреди алого моря цветов, Гу Янь долго стоял без движения. Он никак не мог

взять в толк, как годы верности и дружбы перечеркнулись в один миг ради какого-то незнакомца.

И почему Учитель скрыл от него правду?

Сгорая от сомнений, он отправился к Учителю, чтобы получить ответы.

Учитель о чём-то тихо шептался в покое со вторым младшим братом, Чжао Чжэньюем. Увидев вошедшего Гу Яня, Чжао Чжэньюй привычным жестом подал ему пиалу с тёмным, горьким чаем из сердцевин лотоса:

— Старший брат, выпей чаю, а потом поговорим.

Не подозревая подвоха, Гу Янь принял пиалу и осушил её до дна.

Он только открыл рот, чтобы спросить о расторжении брака, как перед глазами всё поплыло.

И он рухнул на пол, потеряв сознание.

Когда он пришёл в себя, снадобье ещё сковывало его тело. Он лежал, беспомощный и распластанный, а его конечности сжимали тяжёлые цепи из чёрного железа, прикованные к массивной колонне.

Его наставник, преподобный Цинъян, держал в руке обнажённый кинжал. Широкий рукав его деяния оведал лицо Гу Яня холодом, а стальное остриё лениво описывало круги над его животом, готовое в любой миг вонзиться в плоть.

Гу Янь замер от ужаса:

«Учитель!..»

Преподобный Цинъян поднял взгляд. В его глазах, обычно полных отцовской ласки, под светом трепещущих свечей мешались холод и едва заметное сожаление:

— Янь-эр.

Ледяное остриё упёрлось аккуратно в область его дантяня. Видя дикий страх в глазах ученика, Цинъян тихо вздохнул:

— Я не хотел, чтобы всё дошло до этого. Ты — мой самый любимый и талантливый ученик. Но у меня нет иного выхода... Ты ведь знаешь, Чжэньчжэнь с рождения отравлен утробным ядом и

не может культивировать. Если не добыть для него безупречное золотое ядро, чтобы перестроить его кости и духовные каналы, он так и останется никчёмным смертным и через сотню лет обратится в прах.

Гу Янь расширил глаза от охватившего его ужаса. Он не мог поверить, что перед ним стоит его Учитель!

Это ведь сон?

Иллюзия?!

Наверняка в чай из сердцевин лотоса подмешали дурман?!

Иначе как его мягкий, заботливый Учитель мог задумать вскрыть ему дантянь и вырвать Золотое ядро ради другого?!

Это невозможно! Учитель не мог так поступить!

Он отказывался в это верить!

Видя его отчаяние, Цинъян вздохнул ещё тяжелее, но голос его оставался непреклонен:

— Твой младший брат Линь Чжэньчжэнь с детства слаб здоровьем. Ты ведь всегда заботился о нём, Неужели ты спокойно сможешь смотреть, как Чжэньчжэнь увядает, так и не узнав радости пути Дао?

Гу Янь в ужасе забился в цепях:

«Нет...»

Он относился к Линь Чжэньчжэню как к родному брату, искренне опекал его и сочувствовал его недугу, даже собирал ингредиенты для пилюль продления жизни.

Но это не означало, что он готов заживо отдать своё Золотое ядро!

Без ядра Линь Чжэньчжэнь всё равно мог бы прожить долгую, беспечную жизнь смертного.

А вот потеря Золотого ядра для Гу Яня... означала верную гибель от дикой боли! А даже если бы он выжил, его ждала участь искалеченного калеки, угасающего в мучениях!

В чём его вина, за что с ним поступают так жестоко?!

«Нет! Не надо... Хм-м!»

Он пытался закричать, умолять Учителя сжалиться.

Но преподобный Цинъян не дал ему сказать ни слова, простым взмахом руки лишив его речи.

Видя сопротивление ученика, наставник нахмурился, и остатки сожаления в его глазах сменились досадой:

— Ты всегда был самым послушным. Почему же сейчас ты проявляешь такое упрямство и непокорность?

Гу Янь застыл, поражённый этой чудовищной ложью.

Учитель забирал его жизнь, вырывал его ядро ради чужой прихоти — и обвинял его же в том, что он недостаточно послушно умирает?!

Какая дикая, безумная несправедливость!

В отчаянии он думал: как мир мог рухнуть в такую бездну?

А преподобный Цинъян уже всё решил. Он сжал рукоять кинжала.

Лицо его стало холодным, как ноябрьский лёд. Рука опустилась!

Острая, разрывающая боль заставила Гу Яня глухо завывать. Его тело скорчилось в судороге; каждую жилу рвало на части, пока клинок вскрывал дантянь, вырывая из плоти сверкающее Золотое ядро.

Гу Янь на ветви дерева плодов Билин резко распахнул глаза и вырвался из кошмара.